

3. Phillips, D.P. and Burkard, R., 1999. Response magnitude and timing of auditory response initiation in the inferior colliculus of the awake chinchilla. *Journal of the Acoustical Society of America*, 105: 2731-2737.
4. Wales R. *Intonation Cues to Questions and Statements: How are They Perceived?* / Wales R., Taylor S. // *Language and speech*. – Teddington, 1987. – Vol. 30, pt 3. – P. 199-211.
5. Тихонова И.С. Зависимость просодической организации коммуникативных типов предложений от функционального стиля и вербального контекста / Тихонова И.С. // *Функционально-стилистическая дифференциация английского произношения: Сб. науч. тр.* – М., 1983. – С. 97-104.
6. Интонация и языковое сознание: психолингвистическое исследование / О.В. Абакумова, О.В. Бердникова, Л.В. Величкова, Е.В.Петроченко.– Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001.–154 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. Ярцева В.Н.; М.:Советская Энциклопедия, 1990.
8. Антипова А.М. Ритмико-мелодическая организация английской речи: Учебное пособие / Антипова А.М. - М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1986. – 113 с.

Хлыбова Н.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ТАКТИКИ: ОТ «КРИТИКИ СОЗНАНИЯ» Ч.ДИККЕНСА ДО ДЕКОНСТРУКЦИИ Ж.ДЕРРИДА

Основной целью статьи является выведение ключевых положений типологических влияний, этапообразующих трансформаций интерпретационной стратегии Дж. Х. Миллера для постановки последующей задачи – выявить характер эволюции критики литературоведа-компаративиста. Обращение к данному аспекту вызвано достаточно рассеянным информационным наполнением. Изучение теоретических положений наряду с практическими работами Дж. Х. Миллера дают основание говорить о полиморфном характере его критики. Миллеровская эволюция как компаративиста выявила генезисную сложность мышления критика при очевидном преобладании таких противоположных узловых моментов как феноменология и деконструктивизм. Соединение этих понятий в литературоведении не проводилось.

Картина общего литературоведческого процесса, состояние критической мысли как национальной модификации, так и мировой тенденции в целом необходимо должна вырисовываться из изучения частной критики. Это научное мнение сегодня общепринято. К тому же разнообразные компаративные методики позволяют разграничить и выделить то ценное в мировой критике, что позволит в той или иной степени решить основную задачу литературоведения – обобщить сделанное в области истории литературы и тем самым способствовать разработке стратегии литературоведческих исследований, придавая им определенную познавательную перспективу.

Полиморфное (множественное по форме) состояние литературы отражает сложное состояние современного общества. Тем значительнее становится дифференциация присущих литературе ценностных черт, что создает многообразие, несводимое к однозначной характеристике.

Попытка реконструкции отдельного целостного явления с типологическими и системообразующими признаками была предпринята нами на основе компаративного анализа творчества Дж.Х. Миллера как представителя современной американской критики (см. диссертацию: Хлыбова Н.О. *Літературна критика Дж.Х. Міллера: трансформація західноєвропейських теорій. Сімферополь, 2008*).

Стремление показать динамически развивающееся американское литературоведение как сферу и пример трансформации европейской мысли и собственно внутриамериканских взаимовлияний установило однолинейные (но не синхронические) и многоуровневые аспекты, пути исследования миллеровского феномена, обусловленного тесными личными контактами, творческими связями, сотрудничеством с европейскими школами и их выдающимися представителями.

Выбор комплексного методологического подхода в рамках компаративистской методологии позволил раскрыть в общих чертах нынешнюю ситуацию в литературной критике на отдельном примере и поднять проблему необходимости и возможности расширения рамок литературоведческого подхода к произведению, выходя на междисциплинарный синкретизм и методологический плюрализм. Подобное расширение во многих случаях помогло бы определить генезис и природу, сложность и неочевидность нелинейных (в ряду одного течения) явлений литературы и литературной критики, а следовательно, появление равно вероятностных и взаимодополняющих подходов.

Репрезентантом этих явлений видится американский критик Миллер. Европейская рационалистическая дихотомия «или - или» при выборе текстологического (по иным интерпретациям – текстоцентрического, саентистского, сциентистского) или антропологического (гуманистического) подхода к тексту переходит в синтез основных элементов этих направлений. Этот синтез создает своего рода «единые, целостные нити», плетущие «ткань» критического прочтения классического англо-американского литературного наследия (19-20 в.) так ярко, что феномен Дж.Х. Миллера не остается незамеченным как на североамериканском континенте, так и в Европе и Азии. Даже рационалистически логическая Англия не обошла вниманием труды Миллера.

На почве миллеровской критики оказалось возможным применение и соединение в интерпретационной методике текста настолько различных и даже полемически отталкивающихся друг от друга тенденций (феноменологической и деконструктивистской), что это явление становится антропологически-текстологической парной категорией, выражающей дихотомию поляризованного целого. Эта категория

воплощает дополнительную и антиномичность полярных начал. Гуманистический и текстоцентрический подходы к интерпретации (текста), сосуществующие, борющиеся и взаимодействующие на протяжении всего исторического процесса развития литературы, неизбежно меняют свои формы и их смысловые отношения. Но они так и не преодолели параллелизм, оставаясь связанной между собой совокупностью различных принципов или набором критериев и принципов. Инновация Миллера в этом отношении обозначила вектор развития наиболее значимых аспектов дисциплины. При этом конечно, следует оговориться, что миллеровская творческая инновация далека от современного понятия культурной синергетики, “точки бифуркации” (взрыва), так как развитие миллеровской методологии – скорее эволюция европейских теорий в американской вариации. Однако в целом изменение вектора дает довольно четкую альтернативу.

Так, первоначально начиная с тактики рассмотрения текста как автономного объекта в “новой критике”, Миллер переходит в работе “Чарльз Диккенс: мир его романов” (1958) к феноменологическому детальному рассмотрению 6 романов (“Посмертные записки Пиквикского клуба”, “Оливер Твист”, “Мартин Чезлвит”, “Холодный дом”, “Большие надежды”, “Наш общий друг”) с некоторыми влечениями анализа других работ Диккенса. При этом, каждый роман является важным сегментом в диккенсовском временном развитии, будучи фрагментом сознания автора, и все работы вместе дают возможность оценить то особое качество воображения Диккенса, которое определено проявлением всего многообразия этих романов, и проследить развитие диккенсовского взгляда на мир от одного романа к другому через хронологические витки его карьерного пути.

Подобный же механизм использует Миллер и при написании следующей работы “Исчезновение Бога: пять писателей 19 в.” Но уже в поле зрения критика не один автор (Де Квинси, Р. Браунинг, М. Арнольд, Дж.М. Хопкинс, Эмилия Бронте). Миллер называет эту книгу – изучением пяти авторов важной группы писателей 19 и 20 века, которые представляют кульминацию длительного процесса. Это – ряд людей, живущих без Бога в мире (это начальная ситуация всех их, подобно героям “Ярмарки Тщеславия”). Безусловно, Миллер не избегает историко-культурной, философской подоплеку процесса исчезновения Бога из сознания, но это лишь сложившиеся внешние условия. Что интересует критика, так это то, как именно этот процесс происходил в сознании исследуемых писателей, отдельные этапы которого Миллер рассматривает с помощью ряда их произведений. Все это – спектр вариаций внутри единой традиции – Викторианского сознания. Эту книгу он называет попыткой проследовать курсами пяти духовных приключений, отличающихся друг от друга и связанных многими схожими чертами. Эти приключения можно определить как героические попытки раскрыть имманентность (внутренние качества) мира трансценденции (превосходства). Структура построения книги не столько хронологическая, сколько диалектическая.

Тема сознания в условиях исчезнувшего (умершего) Бога продолжает интересовать Миллера в следующей анализируемой книге “Поэты реальности: 6 поэтов 20 в.” (Джозеф Конрад, Йейтс, Томас Элиот, Дилан Томас, Уоллис Стивенс, Вилям Карлос Вильямс) в той же феноменологической методике интерпретации. Современную позицию считает прямым продолжением романтизма. Аналогично она начинается с нигилизма, но постепенно от него освобождаясь, превращается в поэзию реальности. Как конкретно воплощалась эта ориентация на реальность, на предметный мир, Миллер показывает на примере творчества выдающихся англоязычных поэтов, называя их поэтами реальности, т.к. его интересует именно связь сознания авторов с реальностью, а не художественный метод – реализм.

“Форма Викторианской прозы” (1968) рассматривает в основном на произведениях УТеккеря, Диккенса, Треллопа, Джордж Элиот, Джордж Мередит и Гарди четыре основных компонента внутривидовых принципов произведения (феноменологической формы). Эта работа представляет собой четыре лекции в университете Нотр Дам – “Время и интересубъективность”, “Онтологическая основа формы”, “Нарратор как общее сознание” и “Я и сообщество”. И - три основных вопроса Викторианской художественной литературы (времени, межличностных отношений и вопрос реализма), при поставленной цели – идентифицировать уникальность сознания в каждом случае.

Работа, завершающая феноменологический этап, – по творчеству Т. Гарди (1970); отдаленность (порой даже отчужденность) и влечение в ней в качестве подзаголовка определяют основной характер как произведений писателя, так и простирающееся сквозь них сознание автора. Все работы Гарди, рассмотренные в комплексе, дешифруют его сознание.

Отдельные деконструктивистские элементы (а именно разноуровневые повторы и более пристальное внимание к языку по сравнению с предыдущими книгами), появившиеся в работе о Гарди стали ключевой стратегией миллеровской критики в работе “Литература и повторение: семь английских романов” (1982). Миллера теперь интересует общность формальных художественных приемов, или, как он говорит, “языковых деталей”. Так, поиски “повторов” он ведет в романах Дж. Конрада, Э. Бронте, У. Теккеря, Т. Гарди и В. Вульф с “распутыванием” вербальных “нитей” внутри романа, где каждое новое “прочтение” может выявлять в нем все новые и новые значения. Эта книга Миллера – как прочтение в трех методологиях (новой критики, феноменологии и деконструктивизма).

“Этика прочтения” (1986) как художественных (Дж. Элиот, А. Треллоп, Г. Джеймс), так и на философских (И. Кант) и литературно-критических (П. де Ман) закрепила за Миллером славу де конструктивиста. Миллер говорит, что существует особая и неожиданная связь между ориентацией на общепринятые законы морали и творчеством. Этика и творчество неразделимы, хотя их взаимосвязь не обязательно должна быть гармоничной или симметричной. Этика представляет собой один из дискурсивных модусов. Критик рассматривает эту проблему, разграничивая (Reading doing reading, Reading

Telling: Kant, R. Unreadability: de Man, R. Writing: Eliot, Self reading Self: Trollope, Re-reading re-vision: James and Benjamin). Посвящает саму работу Г. Блуму.

“Викторианские темы” (1990) примечательны тем, что в нее вошли статьи как первого (феноменологического) периода критической деятельности литературоведа, так и второго (деконструктивистского). Часть из них была опубликована как раз на рубеже этих периодов, что дает возможность проследить особенности исследовательской методологии ученого, характерные для переходных лет. Эта работа предполагает исследование трех “узлов”, на которых была завязана викторианская литература. Во-первых, это тематика последней, затем, выраженная в ней “субъективность” сознания (автора, протагониста, героев) и, наконец, ее “подчинение” (от гл. “subject”) идеологическим установкам своего времени.

Завершает деконструктивистский этап “Нить Ариадны”(1992), продолжая разрабатывать теорию наррации, повествовательный аспект, сосредоточив основное внимание на поисках той главной линии (или “нити”), которая проходит через все повествование в романах и, подобно нити Ариадны, ведет читателя к “центру” последнего, т.е. помогает ему в “прочтении” текста. И последняя “Другие”2001- философские размышления над проблемой уникальности авторов теоретических и философских работ, наряду с художественными.

Герменевтически множественный характер интерпретаций, вербальный диалог, диалог чувств, поведенческий полилог характеризуют такие современные процессы как технологизирование восприятия и мышления современного человека, а для нас более важно читателя. Искусственно синтезированные методы исключительно радикально меняют процесс восприятия, воздействуют на само творческой мышление, стирают границы между реальным и воображаемым, создавая виртуальную реальность.

В случае с критикой Миллера сравнение с виртуальной реальностью можно рассматривать в качестве деконструктивистского инструментария. Деконструктивизм Миллера – это не кризис, упадок, деградация интерпретации текста, как трактуется в обывательском смысле деконструкция Деррида, (то есть, хаотное, беспорядочное распространение “движения желания” (ризомы), лишенное направления и регулярности, в постмодернистской терминологии.)

Миллеровскую творческую новацию как литературного критика можно расценивать как новую конфигурацию американского деконструктивизма. Литературовед преобразует взаимодействия методических компонентов феноменологии, деконструктивизма, отчасти “новой критики”, исторических, социо-культурных и психологических подходов в характеризуемой направленностью устойчивый порядок. Эта направленность двойкой природы: внутреннего свойства творческой ищущей личности самого критика и внешнего – своего рода адаптации к развивающимся условиям творческой активности.

Читателя в современных условиях невозможно оставить в догмах прочтения лишь логических связей, в рамках одного какого-либо подхода. Необходимо попытаться помочь настройке его сознания, и как следствие, восприятия, постепенно подготовить его к многогранной возможности прочтений и интерпретаций. Первые шаги: гиперлитература, метатекст, интертекст, интересубъективность, понятие “другого”. Но это лишь начальная цепь подготовки современного читателя. Прорастающая в жизнь виртуальная реальность – одновременно итог и генератор мультикультурных универсальных явлений современности – естественно не завершенный еще полностью процесс, в силу своей природы еще не оформившееся явление.

Касательно места Дж. Х. Миллера в американском деконструктивизме, можно заметить следующее. Несмотря на примерно схожий путь прохождения американских деконструктивистов “Йельской четверки” (особенно Дж. Гартмана, П. де Мана и Дж. Х. Миллера), а именно феноменологическую начальную литературную деятельность, оппозиция “феноменология – деконструктивизм” по-разному распределяются в зависимости от полного генезиса их критики, типа мировоззренческих концепций и от характера функциональной деятельности. Недаром только Миллера называют критики “гуманистической овцой в волчьей шкуре”.

Литературоведческая практика феноменологически-деконструктивистской критики Дж.Х. Миллера позволяет исследовать целое (произведение или все творческое наследие писателя), не разрушая его, создает ключевую “нить” в единой “ткани” лабиринта прочтения. Ценность подобного прочтения может быть как опровергнута, так и доказана посредством одностороннего усиления того или иного аспекта (диалогичности) в зависимости от выбора исследовательских целей. Но при условии, по Миллеру, “довольно сложной работы - перепрочтения”.

Образование подобных конструкций прочтения – методологическое средство для выявления и установки причинных связей того или иного литературного явления, т.е. логическое решение проблемы “истинной” интерпретации, а никак не разрушение, деструкция текста или текстовых значений.

При этом Миллер довольно часто не изобретает новой терминологии, а использует, адаптирует ему более близкую, отвечающую его частным задачам на тот момент, для достижения своих практических целей, а не формирования теорий. Но, тем не менее, создавая или привнося новые значения и методически их используя, он от работы к работе выстраивает свою методологию. Именно практическое применение теории – критику – Дж. Х. Миллер считает тем средством, которое способно изменить саму теорию.

Так, обобщение концепций Женевских критиков в целом и при сравнении с друг с другом, выделение критики Пуле как своего стержня с некоторыми нюансами, взятыми от других, Миллер дополняет и развивает в практической критике (например, добавляя к сознанию автора сознание его героев, не избегает

при этом сознания читателя (критика), хотя последнее не столь интересует Миллера как в критике читательских реакций Reader Response Theory). Обновляет эту феноменологическую методика, добавляя новый объект – язык, доминирующий в “новой критике” New Criticism, но как вспомогательное средство для достижения основной цели – проследить сознание автора. Что и дает нам миллеровскую феноменологию расширенную, приближенную и адаптированную для Америки и воспринятую Америкой и Европой современной.

Далее, тактика и методика миллеровской феноменологии в новом виде к 70-м годам, исчерпав внешние ресурсы (сознание во всех видах), переключает внимание вечно находящегося в творческом поиске критика на второстепенную сторону предыдущего этапа – т.е. интерес к языку как таковому. При этом, радикально проявляющийся на общем фоне теорий деконструктивизм Деррида, ломающий общепринятые представления о значении в тексте, не мог не затронуть поистине творческую личность, которая по его признанию, всегда все подвергала сомнению (возможно отсюда у Миллера особенность стиля изложения – риторическая и наводящая форма многочисленных вопросов при обсуждении особенно спорных на его взгляд моментов).

По феноменологическим установкам, каждое следующее прочтение будет отличаться от предыдущего наличием уже обремененного воспринятой информацией сознанием (intersubjectivity with intertextuality). Возможно и Миллер, будучи не один год связанный с “осознанием сознания”, по вполне понятной причине, не смог и не стремился полностью идентифицировать (identify) себя с чистым сознанием (“pure consciousness” – по Пуле) вставшего на его пути Ж. Деррида, т.е. достичь своей новой начальной точки (the Cogito – по женецам). Отсюда, таким образом, неизбежное не полное погружение и мягкость применения концепции *différance* на фоне диалогического (в противовес логоцентрическому подходу Деррида) направления к рассмотрению гетерогенности (heteroginity) значения текста; в противовес отрицанию твердого, фиксированного значения в тексте – его неразрешимость (undecidability). Плюс к этому, миллеровский риторический деконструктивизм становится лишь интерпретивной стратегией, с методикой новокритического пристального прочтения желательного не одного текста рассматриваемого автора (интертекстуальность – intertextuality).

В связи с рассмотрением любого нового аспекта критической мысли, претендующим на оформленную методологическую ценность, выделение и строгая формулировка терминов видится обязательным. Рассмотренный в данных временных рамках период миллеровской критики является совокупностью сложившихся методик, безусловно, уже являющих собой довольно четкую методологию, однако, представляющую в целом открытую систему.

Исходя из этого, окончательная научная формулировка терминологического ряда в критике Миллера требует дальнейшего, более подробного изучения, в связи с появлением ряда работ, определяющих развитие творческой мысли американского компаративиста. Но обращение внимания на особенности терминологического понятийного аппарата Миллера является концептуально необходимым оформлением эволюционной реконструкции как 50-70-х, так и 80-90-х гг. критики в виду необходимости показать генетически обусловленный характер данных явлений. Характер некоторой нечеткости трактовки терминологии отражает или синкретическую, или парадигматическую природу практического миллеровского синтеза данных теорий. Именно в условиях аномального (проблемного) изменения практической критики проходит дополнение, уточнение и углубление понятий.

Подобным же образом резонно может возникнуть вопрос о необходимости обозначения Миллера для постмодернистской парадигмы США. Изучение этого аспекта требует расширения рамок анализа как философского базиса влияния концепций Деррида в целом на постмодернизм, так и непосредственного рассмотрения такого многогранного феномена как американский вариант постмодернистической эстетики во всём объёме, что, несомненно, не оставит нас в рамках ограниченного периода темы исследования, тем более структуры.

В целом, в виду актуальности проблемы переходов в критике и важности акцентирования научного обоснования переходов Миллера к феноменологии и от феноменологии к деконструктивизму необходимым видится прежде всего определение основных характерных черт, генетически присущих Дж.Х. Миллеру-исследователю. Проведенный анализ показал, что для истинного учёного, коим и является американский критик, вопрос о переходе к той или иной форме работы (методологии, а как следствие и методике), стоит как вопрос развития научного потенциала, как наиболее действенное выражение и способ выбора наилучшего пути на момент решения определённых задач. Предмет исследования Миллера – текст и его объект – викторианское сознание на материале языка, переходят в изучение языка текста в рамках сознания. По сути, смена полюсов дихотомии, антропологичность – текстоцентричность, отсюда, кардинальный поворот. При этом нечеткость разделения понятий в методологии и методике объясняется следующими на наш взгляд специфическими характеристиками. Атеоретичность – природно-естественное состояние критика. Восприятие основного концепта той или иной методологии, не всегда оставляет Миллера в «стенах» соответствующей методики. Компаративность – всегда основное кредо. Внешняя нечеткость понятийного применения обусловлена внутреполяризованностью как мышления, так и стадийной фазой развития (этапностью) его критики.

Ассиметричность теории и прочтения для Миллера фундаментальна из-за природы и функции самой литературной теории. Теория – не что-нибудь фиксированное, именно прочтение изменяет, модифицирует. Таким образом, без доскональной проработки невозможно выстроить полный инструментальный формулировок критика.

Любые теоретические выкладки, практически направленного характера, Миллер не приемлет, хотя и

старается логизировать свои послы. Вариации высказываний обширны. Однако все сводятся к объяснению, которое мы постарались обобщить при ответе на вопрос о неполном разрыве Миллера с феноменологией и недостаточности видимого аргументирования. При очевидном преобладании феноменологии и деконструктивизма в компаративной эволюции Миллера и в виду открытости и незавершенности миллеровского явления как такового, мы не видим на данный момент возможности в должном виде провести полное и четкое разграничение терминологического аппарата.

Переход же к деконструктивизму от феноменологии в целом можно объяснить двумя способами:

Первое – это реализации сознания. Миллер не отказывается от сознания как такового, но он более не рассматривает его как “*originated and originating*” (отправное и порождающее).

Второе – повторяемое постоянно привлечение внимания к способности деконструкции осуществлять очень пристальное прочтение, а не производить сами теоретические формулировки, что и привлекало его в работах Пуле: проникновенные и оригинальные прочтения отдельных работ. Эти объяснения явно ретроспективны, но они характерны научному мышлению Миллера.

Отход Миллера от своих взглядов, или точнее, сомнение в их правомерности в то или иное время – результат «генетически» заложенной способности выискивать то разумное, первоначальное «зерно», ядро смысла, характерное какому-либо явлению или понятию, которое могло бы удовлетворить его постоянное желание найти истину, доказательство.

Вся схема миллеровской адаптированной методологии без претензий на строгие теоретизированные рамки как и его деконструкция – лишь стратегия к практическому действию: восприятию текста читателем, критиком посредством этического пристального прочтения риторических фигур или фигур речи в идеале ряда работ автора, на фоне не отрицания и не избегания традиционных методов (исторического, социального, культурологического, психологического).

Спектр рассматриваемых Дж. Х. Миллером авторов и произведений достаточно широк: от Викторианских писателей до поэтов двадцатого столетия, от романов до записей в дневниках и переписки, от художественных до философских и собственно литературоведческих текстов. Его критические работы варьируются от анализа конкретных произведений как фрагмента сознания их автора до исследования всего творчества отдельных писателей и поэтов как выражения целостного сознания, до рассмотрения общего в сознании той или иной эпохи.

Практическая цель Миллера – хорошее, а не истинное, прочтение текста,

как критика – перепрочтение текста с этическим моментом установки (своего рода деконструктивистское *the Cogito*),

как преподавателя-компаративиста – дидактическая: научить сравнению диалогичности, но не навязать стратегию прочтения текста, дискурсивную тактику.

Ненавязчивость и оригинальность своих идей, возможно, как пропуск (обратный билет) в ограниченный рамками в основном одной теории или рамками подхода (внешнего или текстового) Западный мир характерны и для начальных Викторианских прочтений, и для более поздних деконструктивистских.

Источники и литература:

1. Miller J.H. *Ariadne's Thread: Story Lines* / J.H. Miller. – New Haven-London: Yale Univ. Press, 1992. – XVIII, 280 p.
2. Miller J.H. *Charles Dickens: The World of his Novels* / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1958. – 346 P.
3. Miller J.H. *Fiction and Repetition: Seven English Novels* / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1982. – 250 p.
4. Miller J.H. *Others* / J.H. Miller. – Princeton-Oxford: Princeton Univ. Press, 2001. – 284 p.
5. Miller J.H. *Poets of Reality: Six Twentieth Century Writers* / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.), 1965. – 369 p.
6. Miller J.H. *The Disappearance of God: Five Nineteenth Century Writers* / J.H. Miller. – Cambridge (Mass.)-London: The Belknap Press, 1975. – IX, 367 p.
7. Miller J.H. *The Ethics of Reading: Kant, de Man, Eliot, Trollope, James and Benjamin* / J.H. Miller. – New York: Columbia Univ. Press, 1987. – 138 p.
8. Miller J.H. *The Form of Victorian Fiction: Thackeray, Dickens, Trollope, George Eliot, Meredith and Hardy* / J.H. Miller. – Notre Dame-London: Univ. of Notre Dame Press, 1968. – XII, 151 p.
9. Miller J.H. *Thomas Hardy: Distance and Desire*. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1970. – XVI, 282 p.
10. Miller J.H. *Victorian Subjects* / J.H. Miller. – Hertfordshire, 1990. – XII, 330 p.